

ДНЕВНИК
ВАЛИ
ПЕТЕРСОН

Валя была ученицей 7-го класса 239-й средней школы Ленинграда. В этой же школе работала учительница Ксения Ползикова-Рубец, чей блокадный дневник был издан и включал в себя и переписанный от руки дневник её ученицы Вали... Дальше - одни загадки. Петербургский архив, из которого мы получили текст семиклассницы, сообщает, что Валя умерла в июне 1942 года, оговариваясь при этом, что эта информация не из надёжного источника. А в самой школе № 239, работавшей и в войну, где хранится память о блокадных учениках, «АиФ» рассказали, что из Валиных одноклассниц в живых осталась одна, не помнящая уже ни Валю, ни школу, ни блокаду, а сама Валентина последние лет 30 уже не приходит на встречу выпускников... Значит, до этого приходила? Где правда и где мы ошиблись?.. Наверное, нет уже на свете Валентины Карловны Петерсон. Её дневник жив. И обжигает строчками из блокадного Ленинграда.

9 октября 41 года. Итак, начинаю описание протекающей жизни и событий. Возможно, завтра начнутся занятия в школе. Я с нетерпением жду этого желанного дня, когда приступим к занятиям.

Скучно. Одно развлечение - ирландский сеттер Сильва. Собираются в Клуб связи смотреть кино, но... напрасно, идти не могу, много там «народа», нежелательного мне пошиба.

15 октября 41 года. За протекшее время я многое пережила. Сильву решили убить - и как. Александр Петрович Куклин решил покончить с ней так: сперва оглушить молотком, а потом зарезать, но получилось не то, что предполагали, а именно: Сильва сильно завизжала и во избежание сильного шума А. П. бить ее не стал.

Убить мы ее хотели, с одной стороны, ради мяса. А с другой, что кормить ее нечем. Когда мы ее убивали, я вся переволновалась. Сердце так сильно билось, будто желало выпрыгнуть. Потом мы уже придумали способ: решили убивать кошек и кормить ее их мясом.

А. П. одну убил, я содрала шкурку, выпотрошила ее и разрежала на куски. А другие кошки с таким удовольствием разрывали мясо своего сородича на куски, что было удивительно смотреть.

Я тоже решила попробовать вкус кошачьего мяса, поджарила с перцем и чесноком, а потом стала жевать... и что же, мясо оказалось довольно вкусным, что, пожалуй, не уступит и мясу говяжьему, а вкус такой, будто ешь курицу.

20 октября 41 года. Я теперь отлично понимаю, что такое голод. Раньше я себе точно не представляла этого ощущения. Правда, меня немного тошнит, когда я ем мясо кошки, но так как я хочу есть, то и противное кажется вкусным. Да я ли одна так голодна? Кто же в этом виноват? Это проклятые германские изверги. Я никогда не была злой. Я всем старалась сделать что-нибудь хорошее. А теперь я ненавижу этих сволочей за то, что они исковеркали нашу жизнь, изуродовали город. Город пустеет. Все эвакуируются, а я уговариваю маму остаться. Она очень боится бомбежек, а я нисколько, и не потому, что смелая, а просто верю, что меня не могут убить. Сегодня осколками от бомб разорвало на куски мою подругу Аню М. Жаль ее, она так хотела увидеть конец войны. Мы с нею часто дежурили ночью в школе на чердаке. Хорошая была девочка. 15-го немцы заняли Мелитополь, открылось новое направление: Калининское. Я в Калининской области была недавно. Там много друзей. Сволочи немцы зверствуют везде, где они

хозяйева. Как-то в Турчинове - неужели не успели эвакуироваться? От них писем нет давно.

3 ноября 41 года. Сегодня мы пошли учиться. Как я рада. Обещали кормить обедом и давать 50 гр. хлеба в день без карточек. Учителя все новые. По русскому языку, очевидно, хорошая, добрая. По алгебре строгая, но хорошо объясняет, по физике - то же самое, у нее какие-то странные губы, такие пухлые. А по истории - как кукла на ниточках, их дергают, и она дергается.

Я все перезабыла. Но надо взять себя в руки и «учиться, учиться и учиться», как сказал Ленин.

Бедную мою Сильву хотят усыпить. Жалко.

Я поймала две кошки, а Кондратьич ругался и за нее, и за кошек. «Гадят». Я не знаю, что делать. Молчу, а есть хочется.

8 ноября 41 года. Вчера был праздник. 24-я годовщина Октября. Немцы не бомбили, против ожидания.

Пока учусь. По геометрии получила оценку «хор.», а по русскому учительница все время нас ободряет. Она говорит, что к Новому году война кончится. А правда ли? Сейчас очень тяжело.

А. П. Куклин очень злится, что нечего есть. А при чем тут я и мама? Где же мы возьмем? Одна надежда, придется засолить Сильву. Ее надо долго хватит. А мне ее жалко.

Что делать?

12 ноября 41 года. Обед в школе давать прекратили. Все по карточкам. Положение тяжелое. Хлеба, наверное, завтра убавят, получим по 150 гр. У мамы тоже почти ничего не достанешь. Учителя советуют «подтянуть кушаки». Город в окружении. Засолили кошку. Сильва еще живет. Вероятно, скоро и ее засолим. От Алика совсем нет писем. Сейчас иду обедать к маме. Покормит или нет? Не знаю. (...)

13 декабря 41 года. Наконец-то я выбрала свободное время, чтобы изложить свои мысли и желания.

Сколько перемен произошло за этот период времени. Сколько бед стряслось. Сколько перенесено тяжких минут.

Мою бедную Сильву украли и съели. О кошках сейчас говорят как о лакомстве (но, увы, их нет). Александр Петрович оказался гадким человеком: несознательным, вымогающим из всех все, заботящимся лишь о себе, лодырем, лицемером, подлипалой и сплетником (в общем, со всеми отрицательными качествами). Я его поняла, поняла его

и мама. Но как от него избавиться? Он очень зол и может убить ни за что, ни про что (как говорят).

Мы собираемся бежать из города (не из боязни бомбежек, а от него, чтобы избавиться). Мама болеет, стала как тень. Она все старается для нас с отчимом, сама не съедает, иногда потихоньку плачет. Я знаю, она беспокоится об Алике, от него нет ни одного письма. Я стараюсь ее поддерживать. Неужели она не выживет? Я боюсь об этом думать. Наша милая и дорогая соседка Пелагея Лукинична уехала. Я рада за нее и желаю ей от души счастья за ее доброту. Ведь это исключительный человек. Она обещала похлопотать и о нашем отъезде. Хочу бросить все. Уехать на юг и там зажить тихой и мирной жизнью, как отшельник.

18 декабря 41 года. Недавно мне хотелось уехать из города. Уехать и жить, как отшельник. Ну, не глупо ли это? А как же учеба? Ведь полгода проучилась. Права ли я, ненавидя отчима? Не могу отдать себе отчета. Почему я забочусь о всех, а он только о себе? Это мне противно. А может быть, голод его сделал таким. Ведь до войны он был другим. Он хотел заменить мне отца. О, если бы я могла, то придумала бы Гитлеру жуткую смерть. Он вина всему. Он виновник войны, а война калечит людей.

25 декабря 41 года. Сегодня исключительный день. Прибавили хлеба на 75 гр. Мне полагается теперь 200 гр. и так же маме 200 гр. Какое счастье. Все так рады, что от счастья чуть не плачут. Отчим сегодня нестерпим. Мне стыдно ему грубить, но я не могу больше. Он съел весь хлеб свой, а потом мамин и мой. Сегодняшняя прибавка для нас не существует.

Ненавижу его. И не понимаю, как можно так подло делать. И я хочу есть. Скоро кончится четверть. Боюсь за «Конституцию». Как бы не было за нее оценки «плохо». Я хожу в школу, а меня спрашивают: «Как ты еще можешь?» Да что я поделаю? Как дома, так и в школе - сидишь с коптилкой. В школе хоть суп дают. Сегодня и в коптилках керосину не было. Жгли лучины. Очень холодно, мерзнут чернила. Занимаемся по три, по два человека в классе. Мешают очереди за хлебом, приходится стоять и пропускать школу.

29 декабря 41 года. Говорят, что счастье не всегда сопутствует человеку. Да, отчасти это верно, но сегодня для меня день счастья. Я так рада. А чему? Рада смерти моего отчима. «Куклина». Я так ждала этой минуты. Я его страшно ненавидела. Голод раскрыл его грязную душу, и я его узнала. О, это жуткий подлец, каких мало. И вот сегодня он умер. Умер

он вечером, я была в другой комнате. Бабушка пришла и сказала: «Он умер». А я сперва не поверила, потом мое лицо исказилось в ужасной улыбке. Я была рада. Да. Рада его смерти, смерти мучителя и предателя. О, если бы кто видел выражение моего лица в эту минуту. То сказал бы, что я умею жестоко ненавидеть. Он умер, а я смеялась. Я готова была прыгать от счастья, но силы у меня были слабы. Голод сделал свое дело. Я не могла даже хорошо двигаться. Так вот, о чем я мечтала, чего хотела, то и сбылось.

6 января 42 года. Сегодня была елка. И какая шикарная. Я даже не ожидала. Правда, холод был такой, что пока мы сидели и смотрели постановку «Овод», ноги совершенно окоченели и пальцев совершенно не чувствовалось. После постановки должен был быть обед. Мы почти не смотрели пьесы, а каждый думал о предстоящем обеде. Лица у всех одутловатые, под глазами белые, налитые водой мешки, глаза голодно поблескивают. Ноги стучат друг о друга от холода. Наконец, постановка окончена. Артисты, вероятно, сильно замерзли. Они играли в летних платьях, а мороз в театре - минус 20. Занавес опустился, и все хлынули к выходу, к столовой. Обед получили не сразу, пришлось долго ждать на лестнице. Там было еще холоднее от сильного сквозняка. Мы все стояли, тесно прижавшись друг к другу, и думали только об одном: скорее бы на обед. Стояли и мерзли долго. Наконец, двери открылись, и нас пустили. Столы накрыты белыми скатертями, везде чисто, но холодно. Обед был замечательный: мы получили тарелку супа лапши, 150 гр. пшенной каши с соусом, и 50 гр. хлеба, и соевого желе 50 гр. Мы забыли все: и стужу, и боль в ногах от долгого стояния. Все жадно поглощали пищу, усердно облизывая тарелки. Домой пришли в 6 часов. Настроение сразу упало. Дома холодно, дров нет, вода везде замерзла. Придется брать в проруби из Мойки. Брезговать не приходится. Мама лежит больная и, вероятно, хочет кушать. Я ей принесла 25 гр. хлеба и 25 гр. желе. Она очень рада. И я рада, а все равно голодная, как волк...